

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 101–124.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 101–124.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-101-124

«ЕДИНЕНИЕ ОКРАИНЫ С ИМПЕРИЕЙ»: ВОПРОС РУСИФИКАЦИИ «СПОКОЙНОЙ ФИНЛЯНДИИ»

Людмила Федоровна Луцевич

Варшавский университет,
Варшава, Польша, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы, связанные 1) с особым положением финской «окраины» в составе Российской империи, а также 2) с процессом ее русификации. Великое княжество Финляндское, возникшее в результате присоединения Россией территории Финляндии по Фридрихсгамскому мирному договору 1809 года, стало «надежным щитом безопасности» на северо-западных рубежах империи. Александр I специальным манифестом сохранил финнам традиционный уклад жизни, прежние законы, права и свободы, что превращало княжество в некое автономное государство со всеми присущими ему атрибутами. Этот политический курс поддерживался всеми последующими правителями России. Особое значение для развития «окраины» имели глобальные реформы Александра II по модернизации различных сфер жизни. К концу XIX века усилились милитаристские тенденции в Европе,

распространялись антироссийские настроения. В этих условиях правительство актуализировало идею «единой и нераздельной России», которая стала стержнем процесса русификации «окраин». Реализация идеи «теснейшего единения» финской «окраины» с империей была возложена на генерала-губернатора Н. И. Бобрикова. Он составил программу конкретных мероприятий, необходимых для «обрусения» края, пропаганда которых возлагалась на «Финляндскую газету». И программа, и газета вызвали резкое неприятие со стороны финской элиты. Н. И. Бобриков в 1904 году погиб от рук экстремиста, газета закрылась, опубликовав манифесты об отречении Николая II и Великого князя Михаила.

Ключевые слова: Российская империя, финская «окраина», Великое княжество Финляндское, безопасность, автономия, Александр I, Александр II, реформы, Н. И. Бобриков, «Финляндская газета»

Ссылка для цитирования: Луцевич Л. Ф. «Единение окраины с империей»: Вопрос русификации «спокойной Финляндии» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 101–124.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-101-124.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

“UNITY OF THE REGION WITH THE EMPIRE”:
THE ISSUE OF RUSIFICATION OF “QUIET FINLAND”

Ludmila F. Lutsevich

Warsaw University,
Warszawa, Polska, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Abstract. The article discusses several issues related to 1) the special status of the Finnish “borderland” within the Russian Empire, and 2) the process of Russification. The Grand Duchy of Finland, which emerged as a result of Russia’s annexation of Finnish territory through the Treaty of Fredrikshamn in 1809, became a “reliable shield of security” on the northwestern borders of the empire. Alexander I, through a special manifesto, preserved the traditional way of life for Finns, along with their previous laws, rights, and freedoms, which transformed the duchy into a quasi-

autonomous state with all its inherent attributes. This political course was supported by all subsequent rulers of Russia. The global reforms of Alexander II aimed at modernizing various spheres of life were particularly significant for the development of the “borderland.” By the end of the 19th century, militaristic tendencies in Europe intensified, and anti-Russian sentiments began to spread. In this context, the government emphasized the idea of a “united and indivisible Russia,” which became the core of the Russification process in the “borderlands.” The implementation of the idea of “closer unity” between the Finnish “borderland” and the empire was entrusted to Governor-General N. I. Bobrikov. He developed a program of specific measures necessary for the “Russification” of the region, the promotion of which was entrusted to the “Finnish Newspaper.” Both the program and the newspaper faced strong opposition from the Finnish elite. N. I. Bobrikov was assassinated by an extremist in 1904, and the newspaper was closed, publishing manifestos about the abdication of Nicholas II and Grand Duke Michael.

Keywords: Russian Empire, Finnish “borderland”, Grand Duchy of Finland, security, autonomy, Alexander I, Alexander II, reforms, N. I. Bobrikov, “Finnish Newspaper”

For citation: Lutsevich, L. F. (2025) “‘Unity of the Region with the Empire’: The Issue of Rusification of ‘Quiet Finland’,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 101–124. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-101-124.

Империя — это неплохое понятие. Она
цивилизует дикие окраины, вводит
правовые нормы, пусть плохо
исполнявшиеся, но такая тенденция
дает пространство свободы.
[Кантор, 2020, с. 14]

1

Войны между Русью (а затем Россией) и Швецией, начавшись в XIII веке, продолжались до XIX века, предметом конфликта являлось побережье Финского залива, которым стремилась завладеть каждая из воюющих сторон. В русско-шведских войнах Финляндия, по словам К. Ф. Ордина (1836–1892), «была козлицем отпущения и местом битв, и средством пропитания проходящих войск, и жертвою всяких репрессалий. Принадлежав столетиями

Д. Доу. Портрет императора России Александра I. Между 1818 и 1825

Швеции, заимствовав от нее в большей части свою культуру, принимав участие во всех ее счастливых и несчастных судьбах, Финляндия постоянно была, однако, в отношении к Швеции в положении пасынка» [Ордин, 1889, т. 2, с. 2]. Шведская пресса, поощряемая властями, изображала русских государей «кроважидными извергами», правительство, общество, частную жизнь россиян описывала «в самых черных, специально сгущенных красках» [Ордин, 1889, т. 2, с. 4], стремясь таким образом разжечь в среде простых финнов враждебные чувства к России и ее жителям. При полном доверии большей части населения печатному слову в то время, цель эта достигалась в полной мере.

Последняя русско-шведская война (1808–1809) была начата Россией с целью установления контроля над Финским и Ботническим заливами. Александр I «двинул войска в Финляндию для сохранения безопасности Империи» [Ми-

хайловский–Данилевский, 1841, с. 6]. Благодаря активным действиям, русские войска уже через месяц заняли значительную часть финской территории.

Император, еще до официального заключения мира, в специальном Манифесте «О покорении шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» от 20 марта 1808 года объявил соотечественникам и всем европейским правительствам: «Всевышний приосенил помощью Своею праведною Наше дело. Войска Наши с мужеством им обычным, борясь с препятствиями и преодолевая все трудности им предстоявшие, повсюду встречая неприятеля и храбро поражая его, овладели и заняли всю почти Шведскую Финляндию. Страну сию, оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи» [Полное собрание законов, 1830, т. XXX, с. 146–147].

Ректор Абоского университета, юрист, политик Матиас Калониус (Matthias Calonius, 1738–1817) относительно военных действий русской армии на финской территории писал так: «Надобно откровенно сознаться, что настоящая война ведена с такой умеренностью, какая не только прилична нашему просвещённому веку, но заслуживает, чтобы её ставили в пример другим, даже просвещённым нациям» [Бородкин, 1911, с. 112–113]. Русский военный историк, подводя итоги, подчеркивал: «Покорив Финляндию, Александр поставил естественные, твердые, безопасные границы, чем раз навсегда отдалил и пресек причины и предлоги вековых войн России с Швецией и упрочил мир на севере» [Михайловский–Данилевский, 1841, с. 514]. Академик К. И. Арсеньев (1789–1865) считал завоевание Финляндии «драгоценнейшим из всех приобретений Александровых», ставшее «несокрушимым щитом безопасности России со стороны Швеции» [Арсеньев, 1848, с. 50].

Император прекрасно понимал, что только военной победы в данном случае недостаточно, в целях надежной охраны северо-западных рубежей империи необходимо всеми доступными способами привлечь большинство финского населения на свою сторону. Ради этого пошел на невиданные до тех пор уступки: он не стал распространять на западную «окраину» общепринятые тогда в России централизованное управление и крепостничество. Вместо этого издал указ о созыве сейма в городе Борго — сословного собрания представителей народов Финляндии. 16 марта 1809 года император лично открыл первое заседание сейма, где зачитал Манифест, которым «удостоверял» сохранение княжеству традиционного уклада жизни, прежних законов, прав и свобод: «Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего

Княжества по Конституциям¹ их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии» [Шиловский, 1903, с. 10].

Каждый последующий российский монарх, вступая на престол, подписывал *этот документ* в неизменном виде [Шиловский, 1903, с. 11, 12, 13–14, 14–15].

2

Александр II (1818–1881) взошел на престол 18 февраля 1855 года, а уже 19-го подписал Манифест, составленный в 1809 году Александром I, где «удостоверил Религию, Коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние Княжества по прежним установлениям донныне пользовались» и обещал «хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии» [Шиловский, 1903, с. 12].

Финскую «окраину» Александр II знал неплохо. Еще будучи наследником, он не раз бывал в княжестве с отцом в инспекционных поездках (1842, 1853, 1854), любил финские пейзажи, симпатизировал мирным финляндцам. В 1851 году самостоятельно успешно осуществил так называемый «примирительный визит» в столицу княжества

в качестве канцлера Александровского университета в Гельсингфорсе, выступив посредником в конфликте местных властей и студентов.

Как император он посетил университет 11 марта 1856 года. На встрече с преподавателями и студентами подтвердил им свое «непреложное расположение, благожелательность и милость», припомнив, что 30 лет назад он, тогда 8-летний наследник, «был назначен отцом канцлером университета, для того, чтобы “служить прочною связью” между императором и этим высшим учебным заведением. Ныне, волею Всемогущего, вступив на престол моих предков, Я в доказатель-

Портрет Великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II

¹ В данном случае под Конституциями понимались действовавшие в Финляндии шведские законы: «Форма правления от 21 августа 1772 г.» и «Акт соединения и безопасности от 21 февраля и 3 апреля 1789 г.». Императорский «Манифест» сохранил Финляндии свод гражданских, уголовных и процессуальных законов, известных под названием «Общего Уложения Шведского Королевства» (швед. “Sveriges Rikes Allmanna Lag”).

Императорский Александровский (Гельсингфорский) университет. 1870

ство моей любви к этому университету, назначил канцлером его — старшего сына моего и наследника престола (в 1856 году Николаю Александровичу было 13 лет, — *Л. Л.*), чтобы он также в свою очередь был залогом связи между Мною и вами. Будьте уверены в неизменности моих благосклонных чувств к вам, а Я полагаюсь на вас» [Бородкин, 1908, с. 24]. В речи Александра II зазвучала личностная нотка. Присутствующие почувствовали это и восторженно приветствовали императора.

На следующий день, 12 марта, Александр II выступал в Сенате. Прежде всего он поблагодарил финнов за храбрость, проявленную в Крымской войне, а затем ознакомил присутствующих со своими грандиозными планами по реформированию экономики княжества, которые включали: развитие промышленности и мореплавания, либерализацию торговли, распространение народного образования, развитие финской культуры, реализацию крупных проектов в сфере транспорта (новые каналы, дороги, железнодорожные пути) и др.

На все предложенные императором проекты выделялись огромные субсидии. Финские реформы стали частью более широкой политики Александра II по модернизации Российской империи в целом, что в конечном итоге привело к значительным изменениям в разных сферах жизни. Абоская «Åbo Underrättelser» — старейшая шведоязычная газета Финляндии — писала: «Ни один Монарх не встречен с такою теплотою чувств, как великодушный, кроткий, миролюбивый Александр II, наша надежда, наш свет, наше спокойствие, воздвигнувший себе памятник в верных финских сердцах, памятник столь

Е. И. Ботман. Портрет Александра II. 1856

же прекрасный и прочный, сколько благородно и скромно все его существо. Да здравствует на многие лета великодушный, великообразованный Александр II» [Бородкин, 1908, с. 26].

Особую благодарность финское общество выражало императору за возобновление регулярной деятельности сейма, который не собирался с 1809 года. Хотя решение о созыве сейма далось Александру II не просто, особенно в связи с начавшимся в январе 1863 года восстанием в Польше. Вероятно, свою позитивную роль сыграло стремление, с одной стороны, поощрить лояльных финнов в противовес бунтующим полякам, с другой — необходимость стабилизировать ситуацию в западном крае и в стране в целом.

6 сентября 1863 года император открыл долгожданное заседание сейма в Гельсингфорсе программной речью:

Представители Великого Княжества Финляндского, видя вас собранными вокруг меня, я счастлив, что мог осуществить ваши желания и надежды. (...) Вам известны мои чувства и желания счастья и благоденствия народов, вве-

Р. В. Экман. Император Александр II объявляет сессию парламента 1863 года открытой. 1865

ренных Богом моему попечению. Ни одно из моих действий не нарушило согласия, которое должно существовать между Государем и народом. Я хочу, чтобы согласие это продолжало служить, как и прежде, залогом добрых отношений, соединяющих меня с мужественным и честным финским народом. Оно будет, несомненно, способствовать благосостоянию страны, близкой моему сердцу, и доставит мне случай созывать вас в определенные сроки. От вас, представителей Великого Княжества Финляндского, зависит доказать достоинством, умеренностью и спокойствием ваших рассуждений, что в руках народа мудрого, расположенного трудиться сообща с Государем в практическом духе над развитием своего благоденствия, либеральные учреждения не только не составляют опасности, но являются гарантией порядка и преуспевания.

[Татищев, 1903, т. 1, с. 473–474]

Император упомянул в речи также о своем намерении даровать сейму более обширные права (этот замысел будет реализован в «Сеймовом уставе» 1869 года) и окончательно провозгласил Финляндию конституционным княжеством, имеющим выборное правительство, права и свободы. Тогда же он

подписал документ о финском языке, который планировалось постепенно, в течение 20-летнего переходного периода, вводить в делопроизводство, после чего он должен был получить, наряду со шведским языком, официальный статус в княжестве. Этот документ сыграл важную позитивную роль: возникли школы с обучением на финском языке, постепенно расширился круг финских газет, стремительно начала развиваться финноязычная литература, открылся Финский национальный театр (1872). По сути, благодаря инициативе Александра II, финский язык реально обрел статус национально значимого.

Открытие сейма, как и сам визит императора в Финляндию в сопровождении членов императорской фамилии и высших государственных чиновников, были обставлены весьма пышно: празднества длились несколько дней, состоялся парад, завершились торжества роскошным балом.

По словам профессора Матти Клинге (Matti Klinge, 1936–2023), в княжестве сформировался особый «культ» императора:

Настоящее поклонение Александру II существовало в Финляндии как при его жизни, так и после его преждевременной смерти. Ещё современники

М. Зичи. Бал в честь императора Александра II, организованный городом Гельсингфорсом в сентябре 1863 года в здании железнодорожного вокзала. 1864

Александра заметили, что императором восхищались заметно больше в Финляндии, чем в России, не говоря уже о Польше... Для либералов он был монархом, даровавшим сейм и парламентаризм, для фенноманов — императором, подписавшим рескрипт о финском языке, а для всех — государем, в период правления которого Финляндия не только развивалась экономически и культурно, но также превратилась в современную нацию и государство.

[Клинге, 2005, с. 114]

После трагической гибели Александра II сенат принял решение об увековечивании его памяти в столице Финляндии. Монумент, созданный известными скульпторами В. Рунебергом и Й. Таканеном, был открыт 17 (29) апреля 1894 года на Сенатской площади. Император изображен во время выступления в сейме в 1863 году. Вокруг гранитного основания расположены четыре аллегорические фигуры, составляющие основу государства: Лех (Закон), Лух (Просвещение), Рах (Мир), Labor (Труд).

3

Вопрос русификации «спокойной Финляндии» не выдвигался на повестку дня почти до конца XIX века, в отличие от бурной Польши, которая доставляла российскому правительству множественные «неудобства», бесконечно обостряя так называемое «польское дело». Однако к концу столетия усилились милитаристские тенденции в Европе, более жесткой стала внутривнутриполитическая борьба в России (расцветал терроризм). На «западных окраинах» ширились настроения антироссийские, националистические, сепаратистские. Это характерно уже не только для Польши и Прибалтики, но и для «смирной» Финляндии.

Член Государственного Совета А. П. Николаи (1821–1899) в «Записке по вопросу о преобразовании центрального управления на Кавказе» (1882) напомнил: «Российская империя состоит из двух органических элементов: коренного русского государства, сердцевины империи, ее ядра, обнимающего то большинство населения, которое принадлежит к русско-славянскому племени, и из разнородных, разновремененно присоединенных инородческих и иноплеменных окраин: Царство Польское, Прибалтийский край, Финляндия, в большей мере Сибирь, Туркестанский край, Кавказ и Закаспийский край. Так как всякое государство, для утверждения своей силы, должно стремиться к возможному объединению разнородных элементов, то весьма естественно, что государственная политика требует, чтобы эта цель объединения была преследуема постоянно, настойчиво, но вместе с тем осторожно и разумно. Никакая приобретенная веками национальная или племенная своеобразность не

Памятник Александру II в Хельсинки. 1894

сдается без борьбы к поглощению, а потому, при преследовании целей объединения, необходимо с этим естественным законом считаться и часто делать ему временные уступки, не упуская из вида главные цели окончательного создания гармонического единства» империи и окраин [Кэмпбелл, 2001, с. 206–207]. Перед русским правительством остро вставали вопросы упорядочивания управления «окраинами», модернизации административно-правового и культурно-языкового пространства империи. В этих условиях актуализирована идея «единой и нераздельной России», издавна прописанная в «Своде законов Российской империи» как основополагающий принцип государственной политики [Свод Законов, 1912, т. I, ч. 1, с. 1]. Эта идея и стала стержнем запущенного властями процесса русификации «окраин», в том числе и Финляндии.

В 1898 году губернатором княжества был назначен генерал Николай Иванович Бобриков (1839–1904). В рескрипте о его назначении Николай II указал на личную заинтересованность в развитии края и особо подчеркнул общеполитическую установку «теснейшего единения» окраины с империей: «Высоко ценя вашу опытность и многообразные дарования Я питаю уверенность, что исполнение обязанностей ваших одушевлено будет, стремлением к последовательному укоренению в сознании местного населения всей важности для блага финляндского края теснейшего единения его с общим для всех верно-подданных Отечеством» [Финляндская газета, 1904, № 87, с. 2]. Консерватор и монархист по убеждениям, исполнительный военный по профессии, Бобриков будет точно следовать указаниям, полученным от императора.

3 февраля 1899 года последовал Высочайший манифест, в котором констатировалось:

Мы, в непрестанной заботе о благе всех без различия верных наших подданных, признали полезным, в дополнение действующих постановлений и в руководство подлежащим учреждениям Империи и Великого Княжества, установить твердый и незыблемый порядок их деятельности по начертанию и изданию законов общегосударственных. Вместе с тем, оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно для нужд Финляндского края относящихся, Мы почли необходимым предоставить Нашему усмотрению ближайшее указание предметом общеимперского законодательства.

[Ежегодник ... , 1899, с. 32]

Вместе с манифестом были утверждены «Основные Положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для Империи со включением Великого Княжества Финляндского», по которым законодательная власть по вопросам общегосударственного значения была передана от финского сейма Императору [Ежегодник ... , 1899, с. 33].

Политическая линия в отношении княжества была выработана министром и статс-секретарем Великого княжества Финляндского В. К. Плеве (1846–1904), который в письме Бобрикову от 8 сентября 1899 года, излагая свое видение в решении проблемы сближения княжества с империей, пояснял: «...ни законодательного, ни административного самоуправления уничтожать не предполагается, и денационализация в виду не имеется. Что же касается культуры, то желательно ее дальнейшее развитие, лишь бы она не поддерживала антагонизма по отношению к нам Финляндии. С высшей этической

Николай Иванович Бобриков

точки зрения, задачи этой культуры должны бы заключаться в отыскании точек соприкосновения» [Памяти Плеве, 1904, с. 27]. Непосредственно практическая реализация идеи «теснейшего единения» финской окраины с империей была возложена на Н. И. Бобрикова. Он составил программу конкретных мероприятий, необходимых для «обрусения» края, согласовал ее с императором Николаем II и В. К. Плеве. Губернатор предлагал осуществить следующие действия: объединить армии княжества и империи; упразднить финскую таможенную и денежную систему (финская марка); ввести государственный статус русского языка; увеличить число россиян в администрации княжества (доминировали шведы); усилить властную вертикаль российской администрации (доминировали

шведы); ввести единый с Россией порядок делопроизводства; создать пророссийские учебники для всех финских школ; начать издание имперской правительственной газеты и мн. др. Намеченные мероприятия генерал-губернатор намеревался осуществить «без коренной ломки и не вызывая, по возможности, в крае раздражения», напоминая, что «жители Великого княжества, оставаясь финнами, могут быть хорошими русскими подданными (...) по присяге и по политическим стремлениям» [Бородкин, 1905, с. 116]. Финская элита, однако, восприняла предложенную программу реформ резко отрицательно. Не молчала и иностранная пресса. Новоявленный русский политэмигрант В. Г. Чертков (1854–1936) в своем лондонском издательстве «Свободное слово» издал сборник статей с показательным названием «Финляндский разгром», куда включил публикации И. П. Рейтера, Нисбета Бэна, Эдуарда Вестермарка и свои собственные размышления о характере взаимоотношений России и Финляндии. Основное зло, по общему мнению публицистов, сосредоточено было в фигуре генерала-губернатора Бобрикова — «энергичного поборника русификации Финляндии», который «бесчисленными придирками и притеснениями в важных и мелких случаях старался довести финляндцев до открытого возмущения», ввел «шпионскую систему», «агитацию провокаторов», устроил «гонение на свободное слово» — финскую прессу, сделав ее «предметом своих

нападок», и наконец, основал «Финляндскую Газету» на русском, т. е. незнакомом публике языке, с целью противодействовать одностороннему влиянию местной прессы. Так как в Финляндии найти редактора для этого органа было невозможно, то его пришлось выписать из России в лице г. Баженова, а так как газета не могла существовать на свои собственные средства, то, по приказу русского правительства, финляндский сенат вынужден был ассигновать 30 тысяч марок единовременно на устройство типографии и еще 30 тысяч в виде ежегодной субсидии» [Чертков, 1900, с. 61, 63, 65, 66]. Эти субсидии из финской казны на нужды первой русской газеты и стали камнем преткновения в отношениях между губернатором и элитой княжества. Сборник «Финляндский разгром» был запрещен цензурой к ввозу и распространению в России.

4

В самом княжестве детищем начавшегося процесса русификации стала «Финляндская газета» (1900–1917) — первый печатный орган на русском языке. Газета основана по инициативе Бобрикова. Удачно с позиций идеологических был выбран редактор. Им стал хорошо образованный Иван Александрович Баженов (1846–1915). В Московском университете он изучал историю, филологию, естественные и юридические науки; защитил диссертацию в области права «Шантаж как уголовное преступление» [Баженов, 1878], но занимался не юриспруденцией, а журналистикой, был сотрудником «Зари», «Киевского слова», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Биржевых ведомостей», др. Главным критерием в выборе редактора для «Финляндской газеты» было единомыслие: Баженов — убежденный консерватор-монархист, русский националист, полностью разделяя бобриковскую русификаторскую программу, был твердым сторонником курса на сближение финляндской окраины с империей.

Проблема обрусения к тому времени широко обсуждалась в русской консервативной прессе («Русское обозрение», «Московские ведомости», «Благовест», «Русское дело», др.). Теоретически русификация мыслилась как средство защиты государственных интересов России за счет усиления русского национального ядра. Известный публицист Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) — в молодости общепризнанный теоретик народников-террористов, а затем убежденный консерватор-монархист — рассматривал проблему русификации с двух сторон, разграничивая такие понятия, как русификация государственная и русификация национальная.

В статье «Русское дело и обрусение» (1895) он писал: *русификация государственная* «всегда обязательна. Наша власть (...) имеет право требовать верной

Лев Александрович Тихомиров

службы и поддержки своему государству от всякого подданного (...) и того, что для такой службы необходимо (...), например, знания официального государственного языка (...). И если (...) нерусская национальность верно несет свою (...) службу, (...) то она имеет полное право на охрану государством ее национального существования» [Тихомиров, 1895, № 1]. Что же касается *русификации национальной*, то это процесс долговременный. Само собой разумелось, по мысли теоретика, что Российская империя должна оставаться государством унитарным, русский язык — государственным, православная религия — господствующей. При этом наиболее *желательная тенденция* — это ненасильственная, постепенная, добровольная ассимиляция других народов на основе приобщения к русскому языку,

православию, культуре. Позиции Тихомирова разделяли и губернатор Бобриков, и редактор Баженов.

Первый номер газеты вышел 1 января 1900 года с программной редакторской статьей «Задачи «Финляндской газеты»» [Баженов, 1900, № 1]. Руководствуясь идеей *единой, нераздельной России*, автор начал статью напоминанием: Финляндия, вошла в 1809 году в состав «великой русской государственной семьи как полноправный ее член, как один из *родных сыновей России*» [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. Метафора, базирующаяся на концепте семейственности, составляет стержень статьи. В бесконфликтном сосуществовании автономии и империи на протяжении почти столетия Баженов видел пример мягкого взаимодействия сторон — по примеру *добрых родственных отношений*, при которых семья берет на себя заботы по защите всех своих членов, по достойному их существованию, опираясь на взаимные чувства нравственного единения. В меру деликатно редактор разъяснял, убеждал, воспитывал: «Если судьбою определено русским и финнам жить под одной кровлею, то естественно желать, чтобы *союз их был самый тесный, проникнутый и согретый, как искренний союз семейный, миром и любовью*. (...) Россия, по отношению ко всем народностям (...) является *доброжелательной и любящей матерью* (...). Государственная программа ее (...) великодушна и справедлива. Ее мощь позволяет ей

обеспечить права и свободу инородцев — развитие их своеобразных культур [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. Главная задача газеты, — подчеркивал редактор, — «проведение в среду финляндцев (...) убеждений» о необходимости «тесного единения» Финляндии с Россией, осознания «общности интересов»; «пора научиться понимать друг друга, только тогда можно «делить горе и радости совместной политической судьбы». Для укоренения в сознании читателей идеи «общности интересов» редактор намеревался «всеми средствами способствовать обоюдному ознакомлению России с ее Финляндской окраиной», «возбудить взаимное сочувствие и доверие» [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. Решая задачу «взаимодействия» двух народов, редакция запланировала издание недельных номеров газеты и на финском языке.

Развивая далее тему «обоюдного ознакомления», редактор указывает на различные подходы сторон: россиян в познании и отношении к Финляндии, финнов в познании и отношении к России. Что касается интереса россиян, то ситуация такова: «...на русском языке имеется (...) довольно значительная литература, которая успела осветить некоторые отрасли жизни финского народа, отметив по достоинству упорный труд, бережливость и борьбу финляндца с неблагоприятными климатическими и экономическими условиями, а также справедливо отметить некоторые его культурные успехи в разных отраслях деятельности» [Баженов, 1900, № 1, с. 1]. При этом имелись в виду общекультурные факторы. Прежде всего, освоение русскими читателями «Калевалы» — финского народного эпоса, записанного его первым собирателем Элиасом Лённротом (1802–1884) в 1828 году и изданного в первой редакции (так называемой малой «Калевалы») в 1835 году. Так, Федор Глинка, получив еще в 1827 году от собирателя рун А. Шёгрена две песни, перевел их на русский язык, одну опубликовал в 1828 году в журнале «Славянин», вторую — позже [Хурмеваара, 1972, с. 7, 20–23]. С содержанием всей малой «Калевалы» познакомил русских читателей профессор Гельсингфорского университета Я. К. Грот в 1840 году в журнале «Современник» [Хурмеваара, 1972, с. 24–28]. В 1847 году попытку прозаического перевода «главных черт» эпоса предпринял студент Гельсингфорского университета Мориц Эман [Хурмеваара, 1972, с. 29–31]. В 1888 году Л. П. Бельский (1855–1916) — поэт, переводчик, литературовед — полностью перевел текст и издал его отдельной книгой [Калевала, 1888]; в 1905 году Бельский осуществил также сокращенный перевод эпоса для юношества, который неоднократно переиздавался. Приведенные факты, касающиеся только одного артефакта, безусловно, свидетельствуют о высокой заинтересованности русского общества культурой соседней «окраины». Кроме того, следует иметь в виду постоянное обращение русских поэтов к финской тематике (К. Батюшков,

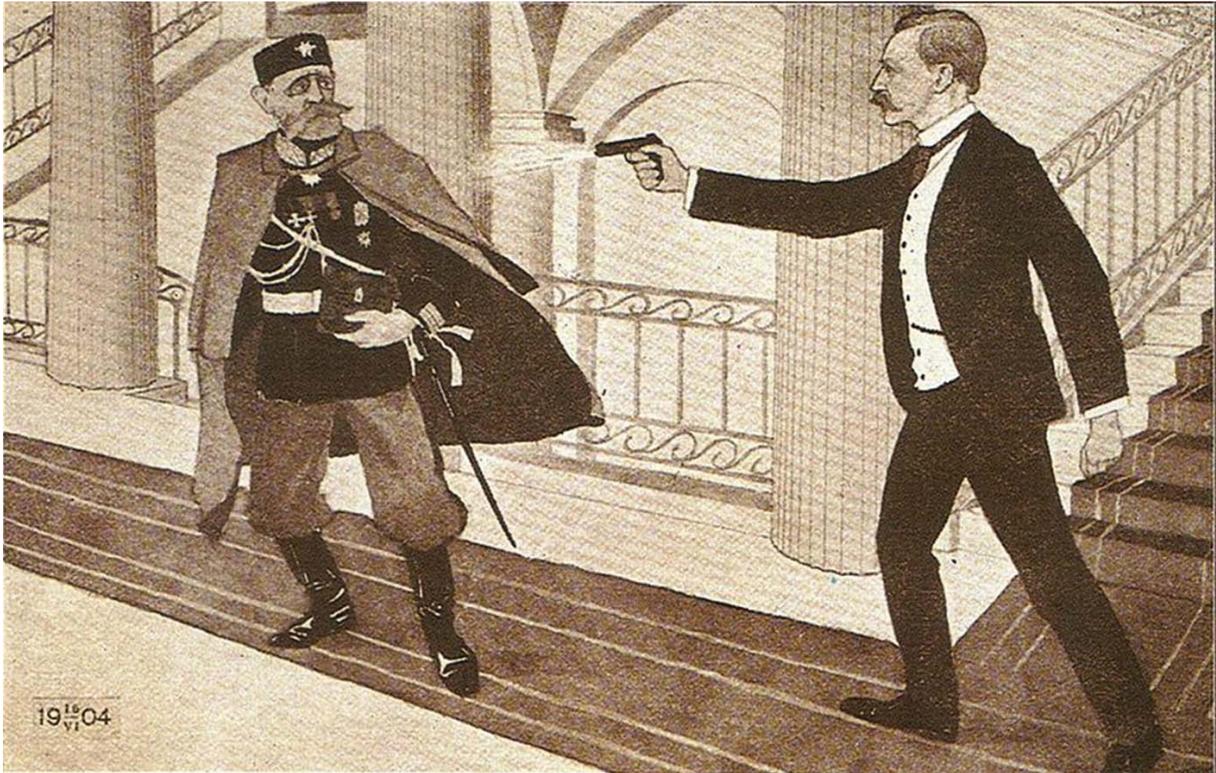

Иван Александрович Баженов

Д. Давыдов, Ф. Глинка, Е. Баратынский, А. Пушкин, Яков Полонский, В. Брюсов, А. Блок и многие другие). Финляндские мотивы отразились в дневниках, письмах, воспоминаниях Я. Грота, М. Салтыкова-Щедрина, журналиста Леонида Полонского, публициста Григория Джаншиева и др. Журналы «Современник», «Москвитянин», «Русский архив» и др. регулярно знакомили русских читателей с финляндским миром. В результате в русской культуре сформировался позитивный образ Финляндии как идиллического «европейского уголка», приспособленного для «опрятной» жизни; страны, хотя и чужой, но спокойной, приветливой, симпатич-

ной; сформировался и образ финна — покорителя суровой природы, свободного труженика, мирного созерцателя.

Что же касается финнов, считает редактор, то они вовсе не утруждали себя какими-либо познаниями о большом имперском отечестве: «для финляндской окраины, Россия — совершенно неведомая страна» [Хурмеваара, 1972, с. 29–31]. Авторы финских учебников, как правило, «излагая прошлое Финляндии, (...) освещали все события со шведской точки зрения, сожалея о неудачах Швеции и радуясь ее успехам. Россия же всегда была представлена в невыгодном освещении. Все успехи русских объяснялись или случаем, или подкупом» [Каменский, 1908, с. 26–27]. Причины такого положения дел Баженов видел в том, что «ни финляндская школа, ни местная печать до сих пор не ввели в свои программы изучения русской жизни, истории, литературы, науки, философии, искусства, промышленности в той мере, в какой надлежало бы это сделать в ближайшей к столице окраине великого государства» [Каменский, 1908, с. 1–2]. Редактор убежден: знакомство финнов с позитивной Россией, ее вековыми морально-нравственными ценностями, культурой, где выразились духовные устремления русского народа, особенности его характера, обычаи, обряды, общий уклад жизни и проч. поможет воспитать и «на окраине» истинных сторонников «великого государства» вместо сепаратистов, живущих все еще в «неведомой стране» [Каменский, 1908, с. 1–2].

Неизвестный художник. Ойген Шауман стреляет в генерал-губернатора Николая Бобрикова. 1904

Появление «Финляндской газеты» не вызвало энтузиазма с финской стороны. Русский историк отмечал: «Местные газеты стали замалчивать и игнорировать русского собрата; агитаторы стали преследовать финнов, служивших в типографии, и лиц, печатавших в русской газете свои объявления; почта в начале не пожелала доставлять ее по назначению», «финляндцы встретили новую русскую газету (...) бойкотом» [Бородкин, 1905, с. 117, 118].

Официальная политика Петербурга строилась на постепенном размывании основ финляндской автономии через трансформацию и унификацию законодательства. Финны воспринимали эти мероприятия как покушение на суверенитет страны. Напряжение в обществе возрастало. Кульминацией стало убийство губернатора 3 июня 1904 года чиновником Эйгеном Шауманом. Убийца и сам застрелился.

Акцию возмездия взяла на себя левая шведская партия, не мирившаяся с русификаторской политикой Бобрикова. Через полтора месяца после этого 15 (28) июля 1904 года в Петербурге студент Егор Созонов убил министра В. К. Плеве. 17 (30) июля 1904 года «Финляндская газета» вышла с траурной рамкой, где сообщала эту печальную вест. На следующей странице газеты было помещено стихотворение Вл. Лебедева «Памяти И. И. Бобрикова. К сороковому дню по его кончине», начинавшееся стихами:

Опять умы тоской объяты,
Опять легла на сердце тень:
Настал унылый срок утраты,
Сороковой печальный день!..

[Лебедев, 1904, с. 2]

Эти неприхотливые строки запечатлели на странице «Финляндской газеты» трагическую общность судеб людей, некогда стоявших у ее истоков. Сама же газета дожила до 5 (18) марта 1917 года. Опубликовав в своем последнем номере манифесты об отречении от престола императора Николая II и Великого Князя Михаила Александровича [Финляндская газета, 1917, № 51], она зафиксировала момент крушения Российской империи.

Список источников

Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1848. 503 с.

Баженов И. А. Шантаж как уголовное преступление. М.: Тип. К. Индриха, 1878. 30 с.

[*Баженов И. А.*] Задачи «Финляндской газеты» // Финляндская газета. 1900. № 1. 13 янв. С. 1.

Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 481 с.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Александра II. СПб.: Гос. тип., 1908. 571 с.

Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 198 с.

Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1899. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1899.

Калевала: Финская народная эпопея. Полный стихотворный перевод, с предисловием и примечаниями Л. П. Бельского. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1888. 616 с.

Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства: К финляндскому вопросу в Государственной думе. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. 65 с.

Кантор В. К. Русская мысль, или «Самостоянье человека». Философические эссе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 416 с.

Клингс М. Имперская Финляндия / пер. с фин. И. Соломеща, В. И. Мусаева, А. Рупасова; науч. ред. В. И. Мусаева. СПб.: Коло, 2005. 616 с.

Кэмпбелл Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности: сб. ст. / под ред. Б. В. Ананьича, С. И. Барзилова. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 206–207. URL: <https://www.istorya.ru/referat/referat2/74002.php> (дата обращения: 02.02. 2025).

Лебедев В. Памяти Н. И. Бобрикова. К сороковому дню по его кончине // Финляндская газета. 1904. № 110. 17 (30) июля. С. 2.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1841. 524 с.

Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам: в 2 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. Т 2. 702 с.

Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. Краткий биографический очерк (по документам и личным воспоминаниям). СПб.: Тип. Мин-ва Внутр. Дел, 1904. 132 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXX. 1808–1809. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Импер. Велич. Канцелярии, 1830. 1416 с.

Свод Законов Российской Империи: в 3 кн. / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Книжное товарищество «Деятель», 1912. Кн. 1. Т. I, ч. 1. 440 с.

Татищев. С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. Т. 1. 538 с.

Тихомиров Л. А. Русское дело и обрусение // Русское обозрение. 1895. № 1. URL: <http://samoderjavie.ru/tihomirov-russkoe-delo30> (дата обращения: 02.02.2025).

Финляндская газета. 1904. № 87. 6 (19) июня. 4 с.

Финляндская газета, 1917. № 51. 5 (18) марта. 4 с.

Чертков В. Г. (ред.) Финляндский разгром. England: Изд. «Свободного слова», 1900. No 35. 76 с.

Шиловский П. П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии, СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 143 с.

Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России. К истории перевода. Петрозаводск: Изд. «Карелия», 1972, 103 с.

References

Arsen'ev, K. I. (1848) *Statisticheskie ocherki Rossii [Statistical Essays on Russia]*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk Publ.

Bazhenov, I. A. (1878) *Shantazh kak ugolovnoe prestuplenie [Blackmail as a Criminal Offense]*. Moscow: Tip. K. Indriha Publ.

[Bazhenov, I. A.] (1900) “Zadachi ‘Finljandskoj gazety’” [“Objectives of the ‘Finnish Newspaper’”], *Finljandskaja Gazeta [Finnish Newspaper]*, 1, 13 Jan.

Borodkin, M. M. (1905) *Iz novejshej istorii Finlandii. Vremja upravlenija N. I. Bobrikova [From the Modern History of Finland. Management Time of N. I. Bobrikov]*. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ.

Borodkin, M. M. (1908) *Istorija Finlandii. Vremja Aleksandra II [History of Finland. The Time of Alexander II]*. St. Petersburg: Gos. tip. Publ.

Borodkin, M. M. (1911) *Kratkaja istorija Finlandii [A Brief History of Finland]*. St. Petersburg: Tov-tvo R. Golike i A. Vil'borg, Publ.

Ezhegodnik Ministerstva Inostrannyh Del [Yearbook of the Ministry of Foreign Affairs] (1899) St. Petersburg: Tipografija Trenke i Fjusno Publ.

Kalevala: Finskaja narodnaja jepopeja [Kalevala: Finnish Folk Epic] (1888) Full poetic translation, with preface and notes by L. P. Belsky. St. Petersburg: Tip. N. A. Lebedeva Publ.

Kamenskij, N. (1908) *Sovremennoe polozhenie Finlandii s tochki zrenija oborony gosudarstva: K finljandskomu voprosu v Gosudarstvennoj dume [The Current Situation in Finland from the Point of View of State Defense: On the Finnish question in the State Duma]*. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. Udelov Publ.

Kantor, V. K. (2020) *Russkaja mysl', ili “Samostojan'e cheloveka”. Filosoficheskie jesse [Russian Thought, or “Independence of Man.” Philosophical Essays]*. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ Publ.

Klinge, M. (2005) *Imperskaja Finlandija [Imperial Finland]*. Translation from Finnish by I. Solomeshcha, V. I. Musaeva and A. Rupasova; scientific ed. V. I. Musaeva. St. Petersburg: Kolo Publ.

Kjempbell, E. I. (2001) “‘Edinaja i nedelimaja Rossija’ i ‘Inorodcheskij vopros’ v imperskoj ideologii samoderzhavija” [“‘United and Indivisible Russia’ and the ‘Foreign Question’ in the Imperial Ideology of Autocracy”], in *Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti [Space of Power: Russia’s Historical Experience and Modern Challenges: Collection of articles]*. Ed. by B. V. Ananich and S. I. Barzilov. Moscow: Mosk. obshhestv. nauch. Fond Publ., pp. 206–207. Available at: <http://www.istorya.ru/referat/referat2/74002.php> (Accessed: 02 February 2025).

Lebedev, V. (1904) “Pamjati N. I. Bobrikova. K sorokovomu dnu po ego konchine” [“In Memory of N. I. Bobrikov. By the Fortieth Day after his Death”], *Finljandskaja gazeta [Finnish Newspaper]*, 110, 17(30) Jul.

Mihajlovskij-Danilevskij, A. I. (1841) *Opisanie Finljandskoj vojny na suhom puti i na more v 1808 i 1809 godah po vysochajshemu povelenu sochinennoe general-lejtenantom*

Mihajlovskim-Danilevskim [Description of the Finnish War on the Land Route and at Sea in 1808 and 1809 by the Highest Order, Composed by Lieutenant General Mikhailovsky-Danilevsky]. St. Petersburg: Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Publ.

Ordin, K. F. (1889) *Pokorenie Finljandii. Opyt opisanija po neizdannym istochnikam: v 2 tomakh. Tom 2 [Conquest of Finland. Experience of Description from Unpublished Sources: in 2 vols. Vol. 2]*. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorohodova Publ.

Pamjati Vjacheslava Konstantinovicha Pleve. Kratkij biograficheskiy ocherk (po dokumentam i lichnym vospominanijam) [In Memory of Vyacheslav Konstantinovich Pleve. A Brief Biographical Sketch (Based on Documents and Personal Recollections)] (1904) St. Petersburg: Tip. Min-va Vnutr. Del Publ.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe. Tom XXX: 1808–1809 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire from 1649. First Collection. Vol. 30: 1808–1809]. St. Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. Ego Imper. Velich. Kanceljarii Publ.

Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. Tom I. Chast' 1 [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. I. Part 1] (1912) Ed. and notes by I. D. Mordukhai-Bolotovskiy. St. Petersburg: Knizhnoe tovarishhestvo “Dejatel” Publ.

Tatishhev, S. S. (1903) *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie: v 2 tomakh [Emperor Alexander II. His Life and Reign: in 2 vols]*. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina Publ.

Tihomirov, L. A. (1895) “Russkoe delo i obrusenie” [“The Russian Cause and Russification”], *Russkoe obozreniye [Russian Review]*, 1. Available at: <http://samoderjavie.ru/tihomirov-russkoe-delo30> (Accessed: 02 February 2025).

Finljandskaja Gazeta [Finnish Newspaper] (1904) 87, 6(19) Jun.

Finljandskaja Gazeta [Finnish Newspaper] (1917) 51, 5(18) Mar.

Chertkov, V. G. (ed.) (1900) *Finljandskij razgrom [The Finnish Defeat]*. England, Izd. «Svobodnogo slova» Publ., 35.

Shilovskij, P. P. (1903) *Akty, odnosjashiesja k politicheskomu polozheniju Finljandii [Acts Relating to the Political Status of Finland]*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasjulevicha Publ.

Hurmevaara, A. G. (1972) “Kalevala” v Rossii. *K istorii perevoda [“Kalevala” in Russia. On the History of the Translation]*. Petrozavodsk: Izd. Karelija Publ.

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Адрес: Polska, 00-312, Warszawa, ul. Dobra, 55.

Information about the author: Ludmila F. Lutsevich — DSc in Philology, Professor of the Department of Literature and Intercultural Studies at the Institute of Special and Intercultural Communication, Faculty of Applied Linguistics of the Warsaw University. Address: 55 Dobra ul., Warszawa, 00-312, Polska.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 21.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.